

УДК 316.485.6

© 2015 г.

А.В. Сериков,

В.В. Черноус

**УКРАИНСКИЙ КРИЗИС
И ВЫЗОВЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ**

Сериков Антон Владимирович – кандидат социологических наук, доцент Института социологии и регионоведения ЮФУ, г. Ростов-на-Дону, e-mail: aserikov@inbox.ru

Черноус Виктор Владимирович – кандидат политических наук, профессор Института социологии и регионоведения ЮФУ, г. Ростов-на-Дону, e-mail: kavkazdon@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается кризис на Украине в контексте национальной безопасности России. Оцениваются угрозы экономической, духовной, военной и других видам безопасности. Проблема национальной безопасности оценивается с геополитических позиций. Статья выполнена в рамках внутреннего гранта ЮФУ № 213.01-07-2014/15ПЧВГ «Угрозы национальной безопасности в условиях геополитической конкуренции и модели агрессивного и враждебного поведения молодежи».

Ключевые слова: безопасность, кризис на Украине, Россия, геополитика, санкции, информационная война, национальная идентичность.

Украина и Россия в геополитическом, цивилизационном, культурном, этнодемографическом отношениях, исторической судьбе не просто переплетены, а спаяны друг с другом. Поэтому события на Украине не могут не резонировать в России, особенно в ее южных регионах. Кризис на Украине в конце 2013–2015 гг. актуализирует комплекс проблем. В рамках стратегии сохранения мировой гегемонии США

стремятся [8] усилить свой контроль над союзниками по НАТО в Западной Европе и не допустить сближения Евросоюза, отдельных европейских государств с Россией в контексте продвижения процессов евразийского сотрудничества. В реализации данной стратегии важное место отводится традиционным для англосаксов проектам по созданию «санитарного кордона» против России из восточноевропейских государств: страны Прибалтики, Польша. Таким же государством лимитрофом (или фронтиром), расположенным между Западной Европой и Россией, постоянно колеблющемся в векторе своей геополитической и цивилизационно-культурной идентичности, является Украина.

Превращение Украины во враждебное России государство с перспективами его вхождения в ЕС и НАТО становится серьезной угрозой не только для евразийских интеграционных процессов, но и военной безопасности России. Проведение Россией в последние годы самостоятельной и самодостаточной внешней политики стало примером «непослушания» для других стран мира.

В сфере геоэкономической безопасности финансовая и санкционная война Запада, инициированная США и бюрократией ЕС в ответ на воссоединение Крыма с Россией, спровоцированной Западом гражданской войной в Донбассе, обнажила проблемы продовольственной, технологической, экономической безопасности России. Проблемы эти отрефлексируются, но провозглашенная политика импортозамещения буксует из-за неэффективной экономической системы государства и коррумпированности бюрократии. Прогрессирующий разрыв производственных связей с Украиной также стал серьезной проблемой для российской промышленности, включая ВПК, решение которой требует времени.

Целенаправленное рекодирование на Украине цивилизационно-культурных ценностей населения обострило аналогичные проблемы в России, подчеркнув комплексные виды национальной и региональной безопасности.

Для России угрозы национальной безопасности в сфере геополитики связаны с ускорением глобальной переструктуриацией мирового порядка. Однополярный мир, который пытались утвердить США во главе с НАТО, неуклонно слабеет, уступая место полицентричному миру. Мало кто из экспертов сомневается, что XXI в. будет веком Востока. На лидерские позиции в экономике выходит Азиатско-Тихоокеанский регион (Китай, Индия, Япония, Корея и др.). Турбулентный мир ислама может из хаоса сконструировать ещё один альтернативный ресурсный и силовой центр. Россия после «выпадения из истории» в 90-е гг. ини-

цировала совместно с Казахстаном евразийский проект, который в идеализированной модели способен объединить Евразию от Владивостока до Лиссабона. Интеграционные процессы в Евразии привлекают внимание стран Южной Америки, Африки. Индикаторами этих процессов являются создания ШОС, ЕАЕС, БРИКС и др. Будущее Европы во многом будет определяться тем, сумеет ли она при поддержке России встроиться в евразийскую интеграцию.

На данном этапе очевидно, что евразийский проект (в любом из существующих вариантов) конкурирует с евроатлантическим геополитическим и геоэкономическим конструктом, с опорой на который США стремятся удержать свою мировую гегемонию или хотя бы лидерство. Комплекс мессианства, глубоко вошедший в менталитет американской правящей элиты, заставляет США идти на любые авантюры, чтобы не допустить появления реальных геополитических конкурентов и мешает признать объективную неизбежность изменения своего статуса из глобального лидерства в важный, но один из нескольких центров мира.

Еще одной важной проблемой является проблема идентичности и самоидентификации народов и формирования политических (гражданских) наций в постсоветских государствах, в том числе в Российской Федерации, прежде всего в аспекте национальной безопасности.

Говоря о нациестроительстве, необходимо иметь в виду, что к моменту распада СССР Украина практически не имела опыта суверенной государственности (если не считать таковыми древнерусскую и кратковременные неудачные попытки создать ее в период Гражданской войны). Современная территория Украины была сформирована и постепенно расширена Московским царством, Российской империей и Советским Союзом, органичной и равноправной частью которых Украина была в конце XVII–XX вв., вопреки фантазиям украинских национал-публицистов [5].

Более того, унитарная постсоветская Украина оказалась сложным многосоставным обществом. В климатическом отношении современная Украина делится отрицательной изотермой января на западную и юго-восточную часть, соответственно, с различными природно-ландшафтными условиями. Западная Украина является частью европейского горного ландшафта, а Центральная и Юго-Восточная – продолжением Русской равнины, что сказалось на особенностях этногенеза народов Украины.

С природно-ландшафтными зонами фактически совпадают цивилизационно-культурные отличия Западной и Юго-Восточной Украи-

ны. Западная Украина развивалась в составе Австро-Венгрии и Польши, здесь сформировался субэтнос украинцев «западенцы-галичане» (в религиозном отношении преимущественно униаты и католики), а также русины, самоидентифицирующие себя с русскими. Западная Украина (исключая в известной степени русинов) развивалась как периферия западноевропейской цивилизации, хотя в западноукраинском национализме исторически проявлялись как изоляционистские и русофобские, так и русофильские тенденции. Западные территории (Галиция) были включены в состав Украинской ССР в 1939 г. и не завершили полностью процесс интеграции в украинское сообщество народов.

Центральная Украина состоит из собственно украинских малороссийских территорий, а Юго-Восточная – из включенных в ее состав областей Донбасса и Новороссии с преимущественным русским промышленным населением и части земель Всевеликого войска Донского. Всего два поколения в составе Украины находился волюнтаристски переданный из состава РСФСР Крым, имевший статус автономной республики. Юго-Восток Украины всегда был важной частью русской (российской) цивилизации. В результате у этносоциумов на Западе и Юго-Востоке Украины сформировались различные ценностные системы, ментальность, в основе которых лежат цивилизационные отличия. Фактически Украина в геополитическом отношении является лимитрофом, а в культурологическом – фронтиром, т.е. этнотерриториальной общностью между Западной Европой и русским миром.

В таких условиях после распада СССР многосоставное общество нового государства – суверенной Украины столкнулось с задачей формирования украинской политической нации и унитарной государственности. В рамках унитарного государства началось построение по западным лекалам «государства-нации». Был упущен шанс (теоретический шанс, т.к. украинские элиты были неспособны к такому выбору) перехода к регионалистскому (децентрализованному унитарному) государству как форме согласования интересов различных этнических групп. Для консолидации сегментированного общества в политическую нацию был избран этноцентричный украинский проект, уходящий корнями в интеллектуальные фантазии украинских националистов начала XX в. В его основу был положен конструкт украинской этнонации, требующий ускоренной административной украинизации национальных меньшинств (вплоть до культурного геноцида русинов) [6], которые, по оценкам независимых экспертов, составляли не менее половины населения Украины (русские, русины, венгры, румыны, поляки, чехи, татары и др.).

Риски реализации такой модели были очевидны. В условиях, когда 80 % населения Украины говорили, читали и думали на русском языке, попытка закрепить за украинским языком статус единственного государственного была обречена на неудачу и нарастание социальной напряженности, этнополитической конфликтности. Тем более что украинский язык не был подготовлен для выполнения самостоятельно функций в государственном управлении, научных, образовательных и других коммуникациях (что не означает, как это иногда делается в публицистике, искусственного характера украинского языка). Административное замещение утвердившейся русскоязычной терминологии на украинский новояз не избежало курьезов и негативно повлияло на качество украинской науки и образования, правовую культуру и т.д., включая современные формы информационного пространства. Этноцентричный проект украинской политической нации потребовал разработки соответствующей исторической политической мифологии, которая неизбежно строилась на разрыве и противопоставлении исторических судеб русских и украинцев вопреки историческим реалиям.

Идеология украинского этноэтатизма легитимизировала изменение геополитической и цивилизационной идентичности украинцев на западную и одновременно антирусскую и антироссийскую парадигму, тем самым разрывая с российскими цивилизационными институтами и общей интерпретацией истории. В этом направлении население Украины весь постсоветский период подтверждалось «промыванию мозгов».

Постсоветская историография Украины, учебники по истории представляют собой один из одиозных примеров паранаучности даже на фоне аналогичных опытов в других постсоветских государствах. При таком подходе, выбирая символических личностей «украинской политической нации», пришлось отказаться в национальном контексте от выдающихся общероссийских деятелей истории и культуры и попытаться мифологизировать исторических неудачников и предателей, военных преступников – Мазепу, Петлюру, Бандеру, Шухевича и т.п., что придает радикальному украинскому нацизму трагикомичный характер.

Два десятилетия целенаправленной пропаганды через СМИ, систему образования и другие каналы коммуникации удалось добиться определенного успеха – внедрить в сознание части молодежи украинский нацизм (появились даже украинские нацисты из этнических русских) и русофобские стереотипы, травмировать историческую память этнических украинцев, якобы пострадавших от четырех веков колониального гнета, сознательного «голодомора» и т.п.

Построение политической этнонации исключительно на основе гипертрофированного комплекса жертвы, выдуманного великого прошлого, идеализированных ничтожных деятелей прошлого в качестве исторических героев было обречено на провал, тем более что на этнополитический процесс нарастало воздействие коррупции, борьбы за власть и передела собственности, ресурсов между олигархическими кланами. Но этноцентричный проект оставался мейнстримом общественно-политической жизни в период не только первых президентов Украины, но и непоследовательного и противоречивого курса в национал-строительстве на Украине В.Ф. Януковича, который включал сдерживание, в т.ч. репрессивное укрепление на Украине русского национального самосознания.

Незавершенный и не имевший шансов на завершение процесс создания украинской политической этнонации оказался в состоянии разрушительного кризиса, когда элита Украины исчерпала возможности корыстного лавирования между Европейским союзом, НАТО, с одной стороны, Россией и проектом создания Евразийского союза – с другой.

США, НАТО и Евросоюз, преследуя не во всем совпадающие геополитические цели, подготовили на Украине сценарий практической реализации курса, неоднократно провозглашавшегося местными элитами, на интеграцию с Западом. Успех такого сценария связывался с «выключением» России из конкурентной борьбы на Украине с Западом из-за проведения сочинской Олимпиады.

Внешний фактор сыграл катализирующую роль в расколе Украины и крахе «украинской политической нации» и унитарной государственности по условным цивилизационно-культурным границам. Запускным механизмом стал инициированный Западом февральский госпереворот 2014 г., который разрушил легитимную украинскую государственность. Возникшая политическая турбулентность на Украине привела к выходу из ее состава Республики Крым и Севастополя и их добровольному вхождению в состав Российской Федерации, которая обеспечила свободу и безопасность волеизъявления крымчан.

Украинские события выявили важнейший опыт в ведении информационной войны против России. Использование «черкесского вопроса» для дискредитации Игр в Сочи оказалось амбивалентным [3], его главной целью проявилось отвлечение внимания России от операции западных спецслужб по подготовке государственного переворота на Украине и отрыва ее от России. Идеально продуманная комбинация, которая могла привести к крупнейшему геополитическому поражению

России после «самоубийства» СССР, была сорвана протестными выступлениями жителей Крыма, Юга и Юго-Востока Украины (Новороссии) против антиконституционного захвата власти и нелегитимности «киевской хунты». Обвинения России в нарушении международного права при признании независимости Крыма и его последующего возвращения в состав Российской Федерации убедительны только для тех, кто единственным источником международного права считает интересы и прихоти США. В то же время рост сепаратизма и конфликт с Россией усилили рост украинского этнонационализма на основе насаждения русофобии, с одной стороны, и положили начало консолидации русских на Украине, как и других этнических групп, – с другой. Ход событий на Украине актуализировал проблему ее федерализации с учетом региональной специфики и этнонационального состава населения и задачу строительства полиэтничной политической нации. Это был единственный рациональный шанс сохранить целостность страны. Однако политика государственного терроризма, проводимая проамериканской кликой Турчинова-Яценюка, сделала такой вариант маловероятным. В условиях гражданской войны альтернативой становится силовой вариант: либо подавление Донецкой и Луганской народных республик или полная утрата Украиной суверенитета над Донбассом. Добровольное возвращение Донбасса в состав унитарной Украины стало невозможным. Мало что изменили сомнительные во многом выборы президента Украины. П.А. Порошенко продолжил политику государственного терроризма и пошел на перемирие и Минские договоренности только после сокрушительных военных поражений.

Украинский кризис – не только региональная проблема или конфликт между Россией и Западом. Он будет иметь далеко идущие последствия для переформатирования мирового порядка и наполнения смыслами, выхолощенными неолиберализмом «общечеловеческих ценностей». В то же время украинский кризис является уроком и для России. Украинская модель нациестроительства отличается от конституционной модели Российской Федерации («многонациональный народ») и той, что обозначена в Стратегии национальной государственной политики до 2025 г. («многонациональный народ России» и «российская нация» – синонимы). В то же время российскую и украинскую модели сближают недооценка роли русского народа и в разной степени проблемы обеспечения безопасности малочисленных народов, а также неопределенность геополитической и цивилизационной идентичностей, преувеличение общности интересов и социокультурных ценностей с Западом, общие пороки социально-экономической и поли-

тической систем: коррупция, неэффективность управления. События на Украине показали уязвимость для сетевых технологий по дестабилизации социально-политического пространства национальных отношений в России, включая неизбежный резонанс реабилитационных мер в отношении крымских татар на Северном Кавказе и других регионах.

Важно операционализировать процесс формирования общероссийской идентичности, гарантируя безопасность русских и других народов России, опираясь на социальное партнерство государства, бизнеса и гражданского общества в укреплении общенационального культурного наследия и разбуженного государственно-национального патриотизма [1, 2]. Опыт украинских событий требует существенной корректировки развития не только Украины, но и России в сфере международных отношений и национальных моделей федерализма.

Таким образом, украинский кризис сформировал комплекс вызовов и угроз национальной безопасности России. В геополитической сфере предельно обострилось противоречие между проектом евроатлантического глобального лидерства во главе с США и формирующейся полицентричной моделью мира, которую поддерживает Россия, Китай и многие другие незападные страны. Следствием этого противостояния является глобальная турбулентность, которая сдерживает в потенциале опасность прямого военного столкновения.

Проамериканское руководство Украины взяло курс на милитаризацию страны под лозунгами украинского нацизма и русофобии. НАТО наращивает свой военный потенциал в Восточной Европе. В результате значительно возросло военно-стратегическое и геополитическое давление на Россию. Новым является активное использование частных военных компаний против России, формально независимых от правительств западных стран. Украина при их участии превращается в центр подготовки экстремистских и террористических европейских формирований из нацистских и территориальных батальонов Нацгвардии.

Перспектива создания американских военных баз на Украине создает непосредственную военную угрозу для юга и всей европейской части России, превращая СКФО, ЮФО и КФО по сути в «прифронтовой», трансконфликтный регион, что активизирует некоторые факторы социальной напряженности [7].

Украинский кризис привел к масштабной информационной войне, навязанной России Западом. Нелегитимный сценарий смены политической власти и международной ориентации Украины происходит уже второй раз в течение 10 лет. В событиях «оранжевой революции» 2004 г. и современного «евромайдана» есть как черты сходства, так и

очень важные отличия, показывающие эволюцию радикальных политических стратегий и методов реализации.

Говоря о технологиях информационного воздействия, которые использовались в современной украинской «революции», нужно помнить, что они опирались на достаточно благоприятную почву, сформированную, с одной стороны, недовольством большинства украинцев действовавшим президентом и его коррумпированным окружением и имевшими эмоциональную окраску ожиданиями от благоприятных перспектив евроинтеграции. В этих условиях было достаточно запустить в информационные потоки несколько демагогических лозунгов о защите прав человека, социальной справедливости, коррупции и воровстве во власти, обнищании населения и о том, как все эти проблемы будут мгновенно устранены, когда украинцы вольются в семью европейских народов, для успешного обоснования революции. В среде украинских «революционеров» считалось практически аксиомой, что несостоятельность власти в вопросах улучшения социального положения простых украинцев может оправдать любой, даже самый радикальный сценарий ее смены. Эффективность информационных технологий для мобилизации сторонников майдана обуславливалась еще и тем, что идея об историческом европейском выборе украинцев опиралась на результаты формирования украинской идентичности и воспитания неприятия России и олицетворяемого ею образа жизни.

Практически в течение всех десятилетий украинской независимости ее граждан воспитывали в духе формирования в отношении России образа врага и реанимации мифологизированных и героизированных образов гетмана Мазепы, С. Бендеры, Р. Шухевича, УПА, которые представлялись как борцы за светлое европейское будущее Украины против Москвы с главным идеологическим содержанием таких компаний, как «Украина – не Россия» [4]. Эта политика проводилась на протяжении всей новейшей украинской истории, и никто из украинских президентов не пытался ее изменить, даже считавшийся про-российским В.Ф. Янукович. Если в России говорилось об Украине как о братском государстве и народе, то в Украине говорилось об угрозе со стороны имперской Москвы и об отсталости и вторичности русских по сравнению с украинцами. Это в конечном счете и стало одной из причин краха «украинской политической нации» [9].

Сходство «революций» 2004 и 2014 гг. начинается с подчеркивания их международного характера с самым активным вмешательством Европейского союза и США: финансовая, организационная, политическая и на современном этапе уже и полуофициальная военная под-

держка. Следующие черты сходства мы можем заметить в сетевом и информационном характере происходящих революционных событий, например в поляризации страны по линии Запад – Восток. Можно также отметить как сходство событий, начало «революции» как внутриэлитного конфликта на фоне передела сфер влияния, который затем перерос в стадию уличного противостояния и в настоящее время получил промежуточную стабилизацию в качестве компромисса украинских элит при жестком иностранном контроле.

Прежде всего, в «революции» появляется фактор, связанный с активным вмешательством России на фоне опасения Европейского союза и США применять реальные экономические санкции против России, поскольку в глобальном мире они оказываются разрушительными для всех сторон.

Разрушительная сила пропаганды ненависти и создания образа врага, которые активно используются с наступательной целью официальной украинской стороной с оборонительными силами, выступающими за независимость и право на сохранение идентичности, на Юго-Востоке может иметь самые печальные последствия для будущего всего региона и, самое главное, для взаимоотношений некогда братских народов. Таким образом, украинский кризис акцентировал весь спектр вызовов и угроз национальной безопасности России. Они носят долговременный характер, противодействие им может быть только в укреплении консолидации полиэтничного российского общества на основе духовного и социокультурного кода России при государствоопределяющей роли русских, углубления евразийской интеграции и поддержания военного потенциала достаточного для отражения военных и террористических угроз.

Литература

1. Барков Ф.А., Сериков А.В., Черноус В.В. Патриотическое сознание молодежи Ростовской области // Гуманитарий Юга России. 2013. № 2. С. 58–76.
2. Крамарова Е.Н. Социальная ответственность бизнеса в сфере культуры (на примере Юга России) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2013. № 3. С. 40–45.
3. Кумыков А.М., Сериков А.В. Историческая память как фактор постсоветской реинтеграции России // Научная мысль Кавказа. 2013. № 4. С. 44.
4. Кучма Л.Д. Украина – не Россия. М., 2003.

References

1. Barkov F.A., Serikov A.V., Chernous V.V. Patrioticheskoe soznanie molodezhi Rostovskoi oblasti // Gumanitarii Iuga Rossii. 2013. № 2. S. 58–76.
2. Kramarova E.N. Sotsial'naiia otvetstvennost' biznesa v sfere kul'tury (na primere Iuga Rossii) // Izvestiia vuzov. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki. 2013. № 3. S. 40–45.
3. Kumykov A.M., Serikov A.V. Istoricheskaia pamiat' kak faktor postsovetskoi reintegratsii Rossii // Nauchnaia mysl' Kavkaza. 2013. № 4. S. 44.
4. Kuchma L.D. Ukraina – ne Rossiia. M., 2003.

5. *Матвеев В.А.* Украинский кризис 2014: ретроспективное измерение. Ростов н/Д., 2015. 320 с.

6. Русины Карпатской Руси: проблемные вопросы истории и современность // Геноцид и культурный этноцид русинов Карпатской Руси (к. XIX – нач. XXI вв.): сб. материалов междунар. конф. Новочеркасск, 2010.

7. *Сериков А.В.* Факторы социальной напряженности в Ростовской области (анализ результатов социологического исследования) // Социально-гуманитарные знания. 2011. № 7. С. 34–39.

8. Стратегия национальной безопасности (The White House, USA) [Электронный ресурс]. URL: http://inosmi.ru/op_ed/20150213/226255885/ (дата обращения: 17.06.2015).

9. *Черноус В.В.* Крах проекта украинской политической нации: уроки для государственной национальной политики и обеспечения безопасности России // Формирование национальной идентичности как фактор национальной безопасности: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Ч. 1. М.; Майкоп; Ростов н/Д., 2014. С. 280–284.

5. *Matveev V.A.* Ukrainskii krizis 2014: retrospektivnoe izmerenie. Rostov-na-Donu, 2015. 320 s.

6. Rusiny Karpatskoi Rusi: problemnye voprosy istorii i sovremennost' // Genotsid i kul'turnyi etnotsid rusinov Karpatskoi Rusi (k. XIX – nach. XXI vv.): sb. materialov mezhdun. konf. Novocherkassk, 2010.

7. *Serikov A.V.* Faktory sotsial'noi napriazhennosti v Rostovskoi oblasti (analiz rezultatov sotsiologicheskogo issledovaniia) // Sotsial'no-gumanitarnye znaniia. 2011. № 7. S. 34–39.

8. Strategiia natsional'noi bezopasnosti (The White House, USA) [Elektronnyi resurs]. URL: http://inosmi.ru/op_ed/20150213/226255885/ (data obrashcheniia: 17.06.2015).

9. *Chernous V.V.* Krakh proekta ukrainskoi politicheskoi natsii: uroki dlia gosudarstvennoi natsional'noi politiki i obespecheniia bezopasnosti Rossii // Formirovanie natsional'noi identichnosti kak faktor natsional'noi bezopasnosti: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. Ch. 1. M.; Maikop; Rostov n/D., 2014. S. 280–284.